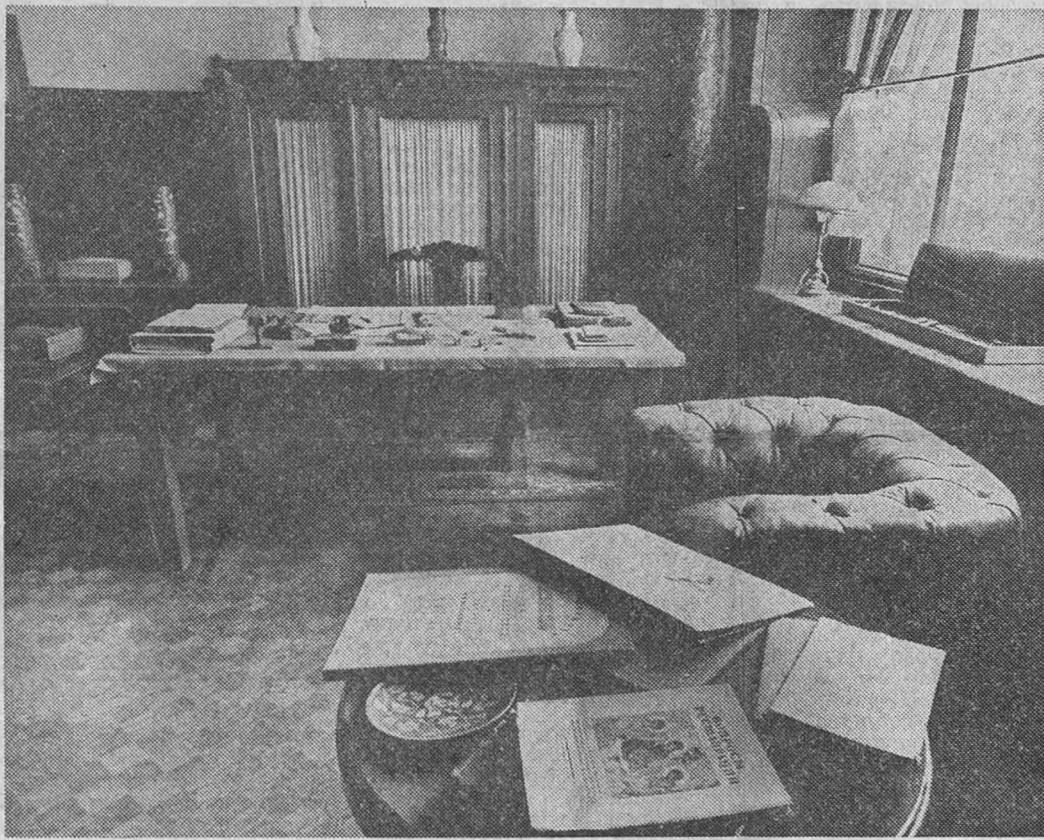
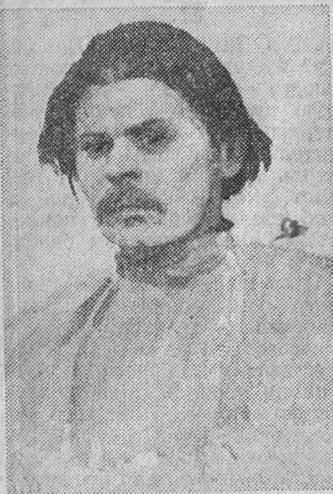
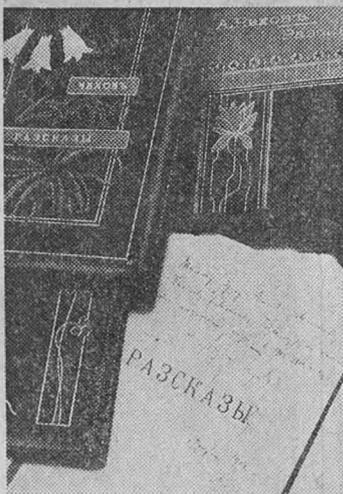

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

экскурсия для читателей

На углу Малой Никитской

Вчера в Москве распахнулись двери Музея-квартиры А. М. Горького. Знаменитый особняк на углу Малой Никитской (ныне — улица Качалова) после длительной реставрации вновь принимает почитателей таланта великого пролетарского писателя.

спустя десятилетия, ибо благодаря заботе семьи все здесь сохранено так, как было при его жизни; время оказалось не властно над волнующей атмосферой, над духом горьковского дома. Вот почему, когда 28 мая 1965 года, в день торжественного открытия музея-квартиры, сюда вместе с другими многочисленными посетителями пришли люди, бывавшие у Горького, они испытали такое чувство, будто снова, как тридцать лет назад, находятся у него в гостях.

С 1977 года дом был закрыт для посетителей. Необходимость замены коммуникаций и ремонта всего здания привела к длительным реставрационным работам.

Обновились фасад и парадный вход, восстановлены первоначальный облик комнат второго этажа и центрального холла с росписями стен, тканевая обивка гостиных, на третьем этаже возвращены узкие окна, верхний свет и росписи «моленной» (заказчик дома С. П. Рябушинский был старообрядцем). Раскрыта роспись на потолке библиотеки, посвежели дубовые двери и панели, окраска стен.

И вот в канун 115-й годовщины со дня рождения великого пролетарского писателя этот памятник двойного значения принял после долгого перерыва первых посетителей. Вновь выстроились на полках редкостные горьковские коллекции произведений прикладного искусства Востока, заняли свои места в застекленных шкафах тысячи книг — многие с уникальными дарственными надписями, автографами и пометами, украсили стены портреты Горького кисти крупнейших наших художников, зазвучали голоса экскурсоводов...

...Путь сюда лучше всего начинать с анфилады залов Музея А. М. Горького, открытого при Институте мировой литературы АН СССР в 1937 году. И когда, проследив всю эту колоссальную жизнь и этот колоссальный труд, посмотрев на предсмертный черновик писателя с буквами, с трудом выведенными уже немощной рукой, вы выйдете из жилища горьковского особняка и спуститесь по улице Воровского к углу бывшей Малой Никитской, в передней последнего горьковского дома вас встретит висящий напротив двери портрет художника Н. А. Пешковой и С. С. Урановой; Алексей Максимович только что перестал писать и смотрит прямо на входящего.

«Он сидит прямой, угловатый, скосив плечо. Густые усы топорчатся. Голова от коротко подстриженных под бобрин волос, от круглого подбородка, от выступающих скул, от глубоких и резких морщин кажется квадратной. Стулугится. По спине заметно, что время берет свое. Руки все время в движении — то вертят спичечную коробку, то разрезной нож, то ручку. Очень помогают ему в разговоре. Весь он как бы в шипах и колочках, близко к себе не подпустит зря. Но вдруг в сероватых глазах промелькнет сдержанное дружелюбие к миру, к жизни, к людям».

Таким увидел писателя в 1931 году литератор А. Воронский, таким он остался в памяти многих людей.

Юрий ОСИПОВ.

● Рабочий кабинет писателя. ● Книги из библиотеки А. М. Горького. ● Один из прижизненных портретов писателя.

Фото Э. Эттингера.

ВЕРНУТЬСЯ в Союз А. М. Горький мечтал, говорил, что в такое невиданное время «надобно быть дома». Поездки по СССР в 1928 и 1929 годах укрепили его в этом страстном желании. Однако тяжелая болезнь бронхов, легких, сердца затягивала пребывание в Италии, где роковой недуг временно отступал и появлялась надежда «успеть хорошо написать» свою главную книгу — «Жизнь Клима Самгина».

И все же разлука с Родиной сделалась под конец настолько невыносимой, что никакие опасения врачей уже не могли удерживать писателя в Сорренто.

«В апреле — еду, — вырывается у него в строках письма. — Очень хочется скорее в Москву! Точно «четвертая» сестра Чехова»...

И вот этот долгожданный час настал. С раннего утра Алексей Максимович стоял в коридоре вагона, жадно лоя взглядом приближающиеся окраины столицы. А тем временем к площади перед Белорусским вокзалом тянулись толпы москвичей, делегации рабочих с цветами и транспарантами, пионеры...

Те, кто встречал Максима Горького 14 мая 1931 года, навсегда запомнили этот день. Запомнили смущенную улыбку писателя под знаменитыми висящими усами, его волнение и наворачивающуюся на глаза слезу.

В тот же день Горький переступил порог дома № 6 по Малой Никитской, в котором ему предстояло провести последние пять лет жизни — с 1931 по 1936 год.

«Какой нелепый дом!» — произнес, по свидетельству Е. П. Пешковой, писатель, впервые увидев знаменитый шехтелевский особняк еще в 900-х годах, когда наведывался из Нижнего Новгорода в Москву.

В многослойном архитектурном ансамбле старой Москвы модерн начала века пророс капризной асимметрией причудливых домов, старавшихся переигрывать друг друга вызывающей необычностью форм и объемов. Людям типа Горького подобная нарочитая декоративность, «живописность» претила, зато она весьма прельщала Рябушинских, Карзанкиных, не скупившихся на оригинальное роскошество своих торговых контор и особняков.

Человек большого таланта, Федор Осипович Шехтель, следуя моде времени, сумел возвысить ее яркой творческой индивидуальностью, найти в ней неограниченные возможности фантазии.

При всем буйстве фантазии шехтелевскому особняку не откажешь в своеобразной гармонии, законченности. Во все мировые справочники и учебные пособия по архитектуре вошел этот любопытный памятник. Вот ему-то и суждено было стать домом Горького.

Известно, что к выбору своего будущего жилища писатель не имел ни малейшего касательства, не высказывал никаких просьб и пожеланий. Дом был выделен ему Моссоветом и выбор этот объяснялся рядом причин.

Прежде всего учитывались возраст и состояние здоровья Алексея Максимовича, его немалая семья и, главное, необходимые условия для напряженнейшей творческой работы, гигантской организаторской и общественной деятельности, ожидавших Горького в Советском Союзе.

Дом № 6 по Малой Никитской отвечал этим условиям. Он был вместителен, имел удобную планировку, закры-

тый садик, находился на тихой улице в центре Москвы, рядом с редакциями и учреждениями, в которых постоянно приходилось бывать писателю. После революции бывший особняк Рябушинского последовательно занимали Госиздат, детский интернат, Всесоюзное общество культурной связи с заграницей.

К приезду Горького дом отремонтировали и заново обставили привычными для него кожаными креслами и диванами. А затем в кабинете, спальне, библиотеке появилось нечто «свое», горьковское, носившее отпечаток его вкусов и склонностей. И в первую очередь — письменный стол, очень большой, простой столярной работы, на ножках выше обычного, поскольку при высоком росте тяжело больному туберкулезом легких писателю трудно было низко наклоняться над бумагой. У стола нет ни тумбочек, ни ящиков — все должно лежать на виду, иначе руки не дойдут, говорил Алексей Максимович.

Никогда не пользовался он и традиционным письменным прибором, авторучками: их заменяли ему чернильница на блюде, ручка с пером и горка цветных карандашей. За этим столом написаны тома незаконченной «прощальной» эпопеи, пьесы «Егор Бульчов и

другие», «Достигаев и другие», второй вариант «Вассы Железновой», рассказы, воспоминания о И. П. Павлове, Камо, сотни статей, выступлений и открытых писем — отклики на все важнейшие события в жизни страны и мира.

Тут, в кабинете на Никитской, быстро сложился тот же порядок, что в Сорренто, Горках, Тессели, о котором неоднократно посещавший Горького С. Я. Маршак вспоминал: «Казалось, он возит свою рабочую комнату с собой».

По просьбе писателя в доме произвели лишь самые незначительные изменения: убрали, к примеру, в столовой огромный, напоминавший, по словам Горького, зияющую пасть камин, открыли вход со двора, со стороны Спиридоновки, где появление Алексея Максимовича не привлекало любопытных взоров.

Постепенно Горький привык к дому, обжился, полюбил маленький сад, в котором росли клены, липы, сирень, и в часы отдыха сам ухаживал за цветами. Но главное было то, что «работать можно». Непрерывно звонили телефоны в секретарской, собирались горы почты. Из соседнего дома, где помещались редакции журналов «Наши достижения», «СССР на стройке», «За рубежом», которые возглавлял

Горький, ежедневно приходили сотрудники с рукописями и гранками, и редакционные совещания проводились на квартире Алексея Максимовича. Здесь же проходили встречи с работниками других изданий, основанных и руководимых Горьким: «Колхозника», «Истории фабрик и заводов», «Истории гражданской войны», «Жизни замечательных людей», «Библиотеки всемирной литературы» и т. д.

Сюда, на Малую Никитскую, к председателю всесоюзного оргкомитета, стекались донесения о ходе подготовки I съезда советских писателей. Здесь обсуждали важные вопросы партийные и государственные деятели, литераторы, ученые, художники, здесь рождались масштабные замыслы и начинания. Р. Роллан, Б. Шоу, А. Толстой, М. Шолохов, П. Корин, В. Мухина, Л. Орбели, Н. Бурденко — таков далеко не полный перечень замечательных людей, посещавших этот дом. Прибавьте к ним еще рабочих, колхозников, пионеров...

«Я не лицо, а целое учреждение», — шутило замечал Горький. И действительно, отнюдь не частной квартирой являлся просторные комнаты особняка у Никитских ворот, но одним из культурных центров страны.

Мы ощущаем это и сегодня,